

Глава 9

Лю Цзысян с трудом разомкнул веки, ощущая в шее тупую, ноющую боль. Стоило ему коснуться затылка, как он понял: голова застыла в неестественном положении. Проспав всю ночь ничком, он заработал жесточайший затёк.

Кое-как добравшись до внутренней комнаты, он увидел, что господин Цзи и его «красавица» всё ещё мирно почивают под одним одеялом. Глядя на эту идиллическую картину, Лю Цзысян не смог сдержать обиженного и полного тоски взгляда.

Странно... Как же он умудрился так крепко уснуть? Он решительно ничего не помнил.

Солнце стояло уже высоко. Недовольно ворча, юноша толкнул дверь и покинул покои. Едва он переступил порог, как столкнулся нос к носу с ошеломлённой Госпожой-куртизанкой. Мэн Шуюань, нежно державшая под руку молодого господина Чжоу, застыла на месте, не сводя глаз с Лю Цзысяна, выходящего из комнаты господина Цзи.

Чжоу Чжэнжун лишился дара речи. Повисла неловкая тишина, после чего парочка поспешно и безмолвно ретировалась в свои покои.

— Вчера... они втроём... — шепнул он, едва за ними закрылась дверь.

— Бедная Фэнлин, — вздохнула Мэн Шуюань. — Не могу представить, каково ей пришлось ночью сразу с двумя мужчинами...

— А ведь Матушка Ци говорила, что этот Цзи — настоящий изверг! Он же заставил её искать швейные иглы!

— Иголки? Он же не портной. Неужели он использовал их для... Проклятье, пользуется тем, что немая и не может закричать!

— Пусть этот Цзи и сорит золотом, но я теперь ни капли ей не завидую. Уж лучше я проведу с тобой ещё десять ночей, господин Чжоу...

— Наконец-то ты оценила мою доброту! Уж я-то умею беречь нежные цветы.

— А может, ты выкупишь Фэнлин сегодня вечером? По крайней мере, ты не станешь над ней издеваться.

— И ты не будешь ревновать?

— Ревновать? С чего бы мне тебя ревновать к ней...

Чжоу Чжэнжун приуныл:

— Боюсь, у меня не хватит средств. Этот господин Цзи сказочно богат, мне с ним не тягаться.

— Просто богатый скот, вот он кто!

Когда Вэй Чжао проснулся, день уже был в самом разгаре. Сев в постели, он обнаружил, что заботливо укрыт одеялом, а рядом всё ещё поживает господин Цзи.

Почесав в затылке, юноша решил, что, должно быть, сам перетянул на себя одеяло во сне, почувствовав прохладу.

Чжао Хуайцзи в этот момент открыл глаза. Приподнявшись, он с лукавой усмешкой поинтересовался:

— Хорошо ли спалось красавице?

Вэй Чжао, проигнорировав вопрос, молча обулся.

Император сокрушённо вздохнул:

— Вчера выпил всего чашку чая, даже к вину не прикоснулся... Отчего же я ничего не помню?

Шпион по-прежнему не удостоил его ответом. Он поднялся и покинул комнату.

Обыскав всё заведение, он так и не нашёл Государственную нефритовую печать. Трёхдневный отпуск, выпрошенный у государя, подходил к концу — пора было возвращаться в столицу. Но уходить с пустыми руками, зная, что заветная реликвия где-то здесь, было невыносимо. Вэй Чжао замер в нерешительности, не зная, стоит ли попытать счастья ещё раз или лучше признать поражение.

Пока он предавался раздумьям, чья-то рука осторожно потянула его за рукав. Обернувшись, он увидел Мэн Шуюань. Указав на соседнюю комнату, она прошептала:

— Идём со мной!

Оказавшись внутри, Вэй Чжао увидел там ещё и молодого господина Чжоу. Госпожа-куртизанка тихо произнесла:

— Мы хотим помочь тебе, не бойся.

Юноша застыл в недоумении, вопросительно глядя на девушку. Та кивнула Чжоу Чжэнжуну, и тот, неловко кашлянув, заговорил:

— Я... в общем, мне тоже больно на это смотреть, поэтому я решил поделиться секретом. В детстве я терпеть не мог учёбу, а отец вечно заставлял меня зубрить книги. Тогда я раздобыл один рецепт...

Он выудил из-за пазухи крошечный фарфоровый флакон:

— Если принять это снадобье, всё тело покроется жуткой красной сыпью. Выглядит устрашающе, но для здоровья совершенно безопасно — просто пугающая видимость. Через пару дней, если пить побольше воды, всё пройдёт. Выпей это сегодня вечером, может, хоть одну ночь отдохнёшь от его... внимания.

Взгляд Вэй Чжао стал ещё более растерянным. Мэн Шуюань мягко улыбнулась:

— Не нужно со мной миндальничать, я и так всё знаю.

Она легонько похлопала его по спине:

— Болит?

Раны на спине Вэй Чжао уже затянулись коркой, но от хлопка всё равно отозвались болью, заставив его невольно нахмуриться. Заметив это, куртизанка в сердцах выругалась:

— Этот Цзи — сущий зверь! Этим богачам только и дай волю поглумиться над беззащитными. Пусть бы и его кто-нибудь так истязал, чтобы на своей шкуре узнал, каково это!

До Вэй Чжао наконец дошёл смысл их слов. Эта девица решила, что «господин Цзи» его пытается, и теперь пыталась защитить! Что ж, побуждения её были благородны.

По правде говоря, этот Цзи вёл себя тише воды, ниже травы: каждую ночь выпивал снотворное и засыпал до самого утра, даже не подозревая о подвохе.

«Боже, какой же он всё-таки глупый», — Вэй Чжао всё больше убеждался, что этот господин — редкостный простак.

Заметив его отрешённый вид, Мэн Шуюань решила, что бедняжка просто запугана, и попыталась отвлечь его разговором:

— У тебя остался кто-нибудь из родных?

Вэй Чжао покачал головой.

— Совсем никого?

Он кивнул. Куртизанка горестно вздохнула:

— Совсем как я... Какая горькая доля.

Она покачала головой, соображая:

— Неизвестно, сколько ещё этот господин Цзи здесь пробудет. Неужели нет способа выпроводить его поскорее?

— Способ найдётся, — вмешался Чжоу Чжэнжун. — Если у него есть жена, достаточно ей сообщить, и он мигом уберется домой. Я уже велел разузнать, кто он такой. Если выяснится, что он женат, я тут же пришлю сюда его супругу, чтобы она устроила знатный скандал.

— Хорошая мысль, — согласилась Шуюань, — правда, не каждая женщина решится на скандал в таком месте. Будем надеяться, что у него жена с огненным темпераментом.

Вэй Чжао пришёл к выводу, что притворяться немым — на редкость удобная затея: не нужно думать, что ответить. Вот бы и в тронном зале во время докладов можно было просто молчать.

Мэн Шуюань проговорила ещё какое- время, после чего достала блюдо с угощениями и, завернув несколько штук в промасленную бумагу, протянула юноше:

— Это мои фирменные персиковые пирожные, на молоке и мёде. Таких больше нигде не попробуешь. Ты совсем исхудала, нужно подкрепиться.

Вернувшись в свою каморку, Вэй Чжао осмотрелся. Жилище его было крайне скудным: лишь жёсткая кровать, простой шкаф для платьев, туалетный столик да пара табуретов. От десерта исходил густой цветочный аромат, смешанный со сладким запахом мёда. Вэй Чжао уже поднёс пирожное ко рту, когда дверь без стука распахнулась — на пороге стоял господин Цзи.

— Ты на редкость наивен. Берёшь угощение из чужих рук... Откуда тебе знать, что эта куртизанка не желает тебе зла?

Чжао Хуайцзи, издали увидев, как шпион выходит из покоев Мэн Шуюань с гостинцем, заподозрил неладное. Та девица явно снедаема завистью, и он не сомневался, что в лакомство подмешана какая-нибудь отравка. За долгие годы жизни во дворце он насмотрелся на женское коварство: яд был лишь самым простым из их средств, случались вещи и похуже.

Вэй Чжао проигнорировал предупреждение и откусил кусок. Он не был беспечен, но прекрасно чувствовал: Мэн Шуюань не замышляла дурного.

Вкус оказался нежным и сладким, во рту расцвёл аромат персика. Никогда прежде он не пробовал ничего столь изысканного. Сделав пару глотков, он отправил в рот остаток пирожного.

Заметив, что Чжао Хуайцзи смотрит на него в упор, Вэй Чжао нахмурился и выразительным жестом указал на дверь.

«Почему ты всё ещё здесь? Проваливай», — смысл его жеста был предельно ясен.

Однако император и не думал уходить. Придвинув табурет, он с любопытством уставился на юношу:

— И что, правда не отравлено?

Вэй Чжао взял второе пирожное. Чжао Хуайцзи, глядя, с каким аппетитом тот уплетает десерт, не выдержал. В свертке оставалось всего три штуки, и две из них уже исчезли. Поддавшись искушению, он взял последнее пирожное и отправил его в рот.

Едва вкус коснулся его языка, Чжао Хуайцзи вздрогнул, а недоеденный кусок выпал из его рук на пол.

— Кто... кто добавляет молоко в персиковые пирожные?! — император зашёлся в приступе кашля. — Мне нельзя молоко...

Вэй Чжао же с нескрываемым сожалением смотрел на упавший десерт. Чжао Хуайцзи это уязвило: неужели в глазах этого юноши жизнь императора стоила меньше, чем кусок лакомства в пыли?

— Когда мне было пять, я съел сладость на молоке и пролежал в лихорадке три дня и три ночи... Это очень серьёзно. Какие странные люди... зачем вообще совать молоко в десерты...

На этих словах он внезапно осёкся, поражённый какой-то мыслью.

Вэй Чжао не обращал на него внимания, думая лишь о том, до чего же изнежены эти богатые

господа. Настоящий Вэй Чжао не выносил бобов, а этот богач Цзи не переносит молока. То ли дело он сам — выросший в нужде, он привык есть всё, что дадут, и находить в этом вкус. Когда не знаешь, будет ли у тебя обед завтра, выбирать не приходится.

Внезапно снаружи донёлся женский крик, переросший в общий шум и неразбериху. Гул шагов внизу возвещал о чём-то из ряда вон выходящем.

Выглянув из комнаты, Вэй Чжао увидел внизу отряд стражников. Напротив них, на галерее второго этажа, стояли несколько дюжих молодчиков, удерживая Мэн Шуюань и Чжоу Чжэнжуна. К их горлам были приставлены ножи. Госпожа-куртизанка дрожала от страха, обливаясь слезами, а у несчастного Чжоу так подогнулись колени, что он едва держался на ногах.

Один из налётчиков выкрикнул в зал:

— Нам не нужна жизнь сына уездного начальника! Мы просто хотим, чтобы его отец выпустил нашего старшего брата! Как только он окажется на свободе, мы отпустим господина Чжоу и не тронем даже волоска на его голове!

Снизу донёлся суровый голос офицера:

— У Юн — государственный преступник, о его поимке уже доложено Его Величеству! Как мы можем его отпустить? У Да, немедленно отпусти господина Чжоу и девушку. Обещаем, что не тронем вас и дадим уйти!

У Да взревел:

— Ложь! Если мой брат погибнет, я заберу с собой единственного сына этого чинуши! Посмотрим, хватит ли у него духу пожертвовать наследником!

С этими словами похитители затащили заложников в комнату.

Здание Павильона нарциссов было плотно окружено войсками. Уездный начальник по имени Чжоу Си был вне себя от горя и тревоги за своего единственного сына. Но У Юн был особо опасным преступником, на которого указал сам император. Если бы чиновник осмелился отпустить его самовольно, под угрозой казни оказались бы все его девять родов.

Матушка Ци металась в панике:

— Господин начальник, умоляю, отпустите вы того разбойника! Моя Госпожа-куртизанка в руках у этих извергов!

Чжоу Си, скрежеща зубами, выдохнул:

— Внутри мой собственный сын! Неужели вы думаете, что я не хочу его спасти? Но этого человека отпустить невозможно — за это казнят всю мою семью. Даже если мой сын погибнет там, я не выпущу преступника!

— Да что же он такого совершил, раз всё так страшно? — в ужасе спросила старуха.

— Два года назад он вырезал всё поместье маркиза Мэна. Стариков, детей, слуг — более ста душ, не пожалел даже младенца в колыбели. Это дело его рук.

Матушка Ци ахнула, закрыв рот рукой:

— Какая лютая жестокость... разве это человек? Сущий бес в человеческом обличе!

— Мы поймали его с огромным трудом всего несколько дней назад, — продолжал Чжоу Си, — и вот его брат-разбойник явился на выручку. Не сумев отбить, решил захватить заложников...

Он горестно вздохнул:

— Видно, плохо я его воспитывал. Сидел бы дома — не попал бы в такую переделку...

Ни одна сторона не желала уступать, и ситуация зашла в тупик. У Да, теряя терпение, прокричал сверху:

— Если не выпустите брата, я отрежу твоему сыну палец и брошу его вам под ноги!

Чжоу Си не дрогнул:

— А я велю оскопить твоего брата и прислать его позор тебе в подарок.

Они ещё какое-то время осыпали друг друга проклятиями, пока не выбились из сил. Спустя несколько часов томительного ожидания У Да велел передать:

— Мы проголодались. Принесите еды. И не вздумайте травить — ваш господин будет пробовать первым.

Чжоу Си, сжав кулаки, процедил:

— Какая ещё еда? Пусть голодают! От одного дня без еды не умрёт!

К вечеру У Да, окончательно озверев от голода, снова завопил:

— Тащите жратву, или я сломаю твоему щенку ноги!

Чжоу Си холодно отозвался:

— Всё, что ты сделаешь с ним, я проделаю с твоим братом. Считай, что перед тобой твой брат — делай что хочешь.

Он упёр руки в бока:

— Можешь прикончить его сразу, и дело с концом!

Разъярённый У Да взглянул на сжавшегося в комок Чжоу Чжэнжуна и с силой пнул его в живот. Юноша уже готов был закричать от боли, но Госпожа-куртизанка внезапно шагнула вперёд и накрыла его рот ладонью.

— Не кричи, — твёрдо произнесла она. — Слышишь? Если ты закричишь, отец разволнуется и потеряет голову.

Она присела рядом, поддерживая парня:

— У Юна не выпустят, за это казнят всю семью до девятого колена. Твой отец, каким бы он ни был, на это не пойдёт — он не погубит весь род ради тебя одного. Ты ведь и сам этого не хочешь, верно?

Она печально покачала головой:

— Так что в живых тебе, скорее всего, не остаться. Не лучше ли просто расшибить себе лоб о стену и закончить всё разом?

Чжоу Чжэнжун застыл. От боли и страха по его щекам катились слёзы, но, услышав её слова, он из последних сил сжал губы и не издал ни звука.

Мэн Шуюань похлопала его по плечу:

— Не бойся. Даже если мы погибнем, эти люди отправятся вслед за нами. Здание окружено, им не уйти.

У Да, наблюдавший за этой сценой, поразился: в глазах этой слабой женщины не было и тени страха. Напротив, она держалась с пугающим спокойствием.

Его охватило дурное предчувствие.

— Ты... ты не можешь быть простой девкой из борделя! Кто ты такая на самом деле?!

<http://bllate.org/book/15321/1369016>